

«Три вальса» Клавдии Шульженко

Три вальса, о которых вспоминает героиня, непохожи друг на друга, хотя мелодия Александра Цфасмана остаётся почти неизменной. Первый проникнут сдержанным упоением. К нему приложимы все эпитеты, которыми щедро одарили этот танец поэты, он – влекущий, звенящий, волнующий. Но самое точное слово – трепетный. Тревожное, радостное ожидание. Реплики танцующих звучат отрывисто и застенчиво. Короткие и с виду пустые фразы подчинены лёгкому ритму. Музыка сообщает им задушевный смысл. Они как будто ничего не говорят, но ими всё сказано. Их тайное значение легко разгадывается: в восемнадцать лет первое знакомство часто означает вместе с тем и первую любовь.

Второй вальс полон усталой нежности. (Не парение, а кружение.) Слова те же, но тембр иной. Много пережито вместе, и не одни только счастливые воспоминания сохраняются в сердечном архиве. Неуловимо изменились отношения. Он, прежде робкий и порывистый, приобрёл небрежную уверенность. Она казалась когда-то строгой, теперь она рассеяна. Первый вальс они танцевали, не замечая окружающих. Сейчас обдуманным восторгом и улыбкой. Первые слова любви она слушает недоверчиво. Она не в силах скрыть свою ревность, с великодушным апломбом встречает его невнятное замечание о том, что у Зины красивые руки. Кружится голова. Давняя, сильная, первая любовь не может быть любовью беззаботной.

И, наконец, последний вальс. Улыбка, брошенная в прошлое. Старшесть нежность и гордость. Старшесть правдивость. Несколько движений, берящийся разговор. Лязган отношений ме-

201

Статья М. Иофьева опубликована только в его книге «Профили искусства» и впервые воспроизводится в интернете.

«Три вальса» Клавдии Шульженко

Три вальса, о которых вспоминает героиня, непохожи друг на друга, хотя мелодия Александра Цфасмана остаётся почти неизменной. Первый проникнут сдержанным упоением. К нему приложимы все эпитеты, которыми щедро одарили этот танец поэты, он – влекущий, звенящий, волнующий. Но самое точное слово – трепетный. Тревожное, радостное ожидание. Реплики танцующих звучат отрывисто и застенчиво. Короткие и с виду пустые фразы подчинены лёгкому ритму. Музыка сообщает им задушевный смысл. Они как будто ничего не говорят, но ими всё сказано. Их тайное значение легко разгадывается: в восемнадцать лет первое знакомство часто означает вместе с тем и первую любовь.

Второй вальс полон усталой нежности. (Не парение, а кружение.) Слова те же, но тембр иной. Много пережито вместе, и не одни только счастливые воспоминания сохраняются в сердечном архиве. Неуловимо изменились отношения. Он, прежде робкий и порывистый, приобрёл небрежную уверенность. Она когда-то казалась строгой, теперь она рассеяна. Первый вальс

они танцевали, не замечая окружающих. Сейчас обдуманны костюмы и улыбки. Привычные слова любви она слушает недоверчиво. Она не в силах скрыть свою ревность, с великолепным апломбом встречает его невинное замечание о том, что «у Зины красивые руки». Кружится голова. Давняя, сильная, верная любовь не может быть любовью беззаботной.

И, наконец, последний вальс. Улыбка, брошенная прошлому. Старческая неловкость и гордость. Старческая привязанность. Несмелые движения, бережный разговор. Лиризм отношений меняет свой характер. Мелодия становится как будто неузнаваемой, но лиризм её не обрывается и даже, можно сказать, не тускнеет. Авторы текста Л. Давидович и В. Драгунский попытались перебросить мостик от первого бала Наташи Ростовой к смешному и трогательному танцу мопассановского «Менуэта». Это может показаться тривиальным. Но комические подробности остроумного текста Л. Давидович и В. Драгунского в исполнении Шульженко освещены и властно охвачены единым настроением. «Три вальса», как и большинство её песен, – вдумчивый, проникновенный и взволнованный рассказ.

Новая яркая песня Шульженко – удача, которую оценят многие. Её искусство действительно массовое, хотя её песни не назовёшь этим именем. В сознании зрителей и слушателей они теряют авторов – композитора и поэта, – становятся только песнями Шульженко. Пожалуй, это справедливо: исключительно в актёрской передаче Шульженко они получают художественный вес. Мягкая, вкрадчивая манера пения, многообразие оттенков, раскрываемых ею в слове, непринуждённость её искренности заставляют видеть в Шульженко не исполнительницу, но артистку. Это сказано условно, но какими иными словами можно отметить редкие у певицы качества – острое чувство жизни и дар неповторимой выразительности.

Почему их так любят, эти песни? «Синий платочек» во время войны напевали повсюду, простенькие стихи усердно переписывали и солдаты на фронте и девушки в далёких тыловых городах. Лирические шедевры «Старые письма», «Руки», «Задушевная беседа», кажется, стали фактами биографии несколь-

ких поколений. Шульженко даёт увидеть поэтическую ценность непритязательной, даже будничной жизни, «нечаянных радостей» – и иллюзий. Художники «больших» жанров многого не замечают, а многое забыли. Шульженко напоминает. В её песнях обнаруживает себя тот мир элегии и шуток, воспоминаний и надежд, который мы зовём интимным. Утверждается его значительность. Мечтательная и страстная героиня Шульженко имеет достоинства неоценимые: она переживает глубоко и сдержанно. Потому творчество Шульженко – своеобразная школа «воспитания чувств».

Её песни не стали законченными театральными миниатюрами: костюм и пластический рисунок продуманы не очень тщательно. Но музыкальный сказ приближается к совершенству. Такого искусства не знали наши деды; только современному зрителю доступно угадывать прихотливые намёки, рассыпанные в песенных интонациях Шульженко.

В юности Шульженко была драматической актрисой. Театр, очевидно и познакомил её с культурой подтекста. Что ж, теперь мы можем писать ей – «победителю ученику». Слушая иногда пространственные сценические диалоги, вспоминаешь «Три вальса» – долгую повесть, рассказанную в несколько минут.